

НОВЫЙ СБОРНИК «КНИЖНЫЕ ЦЕНТРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

(Книжные центры Древней Руси: Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010)

Изучение истории и книжности Соловецкого монастыря — одна из благодатнейших тем, не обойденная вниманием исследователей. Благодаря хорошей сохранности библиотеки (которой могут гордиться лишь немногие крупные русские монастыри) исследователи имеют возможность восстанавливать историю монастыря, живших в нем книжников и создаваемых ими произведений буквально год за годом с конца XV в. В новом сборнике опубликованы самые разные материалы по истории книжности Соловецкого монастыря и относящихся к нему земель в XV—XIX в. Темы отдельных авторов перекликаются, так что разные статьи представляют независимый взгляд на одного и того же книжника, или произведение, или даже рукопись. К одной и той же рукописи, принадлежавшей соловецкому игумену Досифею, обращаются Н. В. Поньрко и А. Г. Бобров; один герой у И. А. Лобаковой и А. Е. Косицкой, статьи которых рассказывают о произведениях, посвященных митрополиту Филиппу (Кольчеву); еще одному соловецкому книжнику — Сергию Шелонину — посвящены статьи О. В. Панченко и О. С. Сапожниковой. Состав сборника дает картину формирования соловецкой книжности, охватывая все важнейшие этапы истории монастыря и его библиотеки: соби́рание книг игуменом Досифеем; книгописное и переплетное дело в монастыре в XVI в.; обустройство монастыря при игумене Филиппе и его почитание; формирование круга учительных четых сборников в монастыре в XVI—XVII в.; труды Сергия Шелонина; Соловецкое восстание; почитание местных святых, постриженников Соловецкого монастыря. Особую ценность представляют публикации не издававшихся ранее текстов: Службы на память Филиппа Московского, исторического сочинения Сергия Шелонина о Смутном времени, второй части Жития Епифания Соловецкого (по не опубликованному ранее автографу Епифания), Жития Иова Ущельского, книжки Юрьегорской пустыни для сбора подаяний.

Наиболее ранний материал рассматривается в статье А. Г. Сергеева «Лавсаик Зосимы Соловецкого (палеографический очерк)». Статья посвящена рукописи БАН. Солов. 7, начала XV в., вероятно, принадлежавшей преп. Зосиме. А. Г. Сергеев сосредоточился на кодикологическом описании рукописи, причем им выявлены и другие рукописи того же периода, так или иначе сходные с Лавсаиком. В ряде рукописей Сергеевым обнаружены тождественные или близкие филигранные; им отмечено значительное сходство заставки в Лавсаике с заставкой в рукописи РНБ. Кир.-Бел. 116/241, начала XV в.; указана рукопись, в которой встречается почерк, близкий к одному из почерков Лавсаика (ГИМ. Муз. 4040, 1395 г.). Однако, несмотря на выявленные параллели среди других рукописей, автор смог лишь довольно расплывчато локализовать рукопись как написанную в Северо-Восточной Руси.

Статья Н. В. Поньрко «“Герван” или “Герман”? (Об одной рукописи, принадлежавшей соловецкому игумену Досифею)» также посвящена исследованию одной рукописи (РНБ. Солов. 802/912) с экслибрисом игумена Досифея. Книга имеет запись на первом листе: «Книга Герман м(о)н(а)стырская старая», и автор статьи пробует разрешить возникший среди исследователей спор о том, что кроется за этой записью: свидетельство принадлежности рукописи преп. Герману Соловецкому или же название рукописи «книга Герван» по Житию Григория Омиритского, входящему в состав книги. Придя к выводу о новгородском происхождении рукописи, исследовательница пытается определить, кому могла принадлежать книга изначально: преп. Герману или Досифею, на основании анализа содержания рукописи. Н. В. Поньрко сопоставляет сборник с другими соловецкими книгами конца XV — начала XVI в. и анализирует статьи,

входящие в рукопись Солов. 802/912. Однако следует признать, что поставленные автором статьи вопросы так и остаются без ответа. Рассмотрев точки зрения, существующие в историографии относительно чтения «Герман» или «Герван», исследовательница находит более убедительной последнюю, говоря, что «почти “стопроцентно” — следует читать “Герван”». Кому изначально принадлежала рукопись: преп. Герману или Досифею, также остается неясным. Автор приходит к выводу, что келейный сборник, необходимый монаху, ведущему отшельнический образ жизни или вынужденному надолго отлучаться из монастыря, мог принадлежать как преп. Герману, так и Досифею. Проведенный Н. В. Понырко анализ содержания сборника в контексте монастырской жизни XV–XVI в. сам по себе представляет интерес, но попытку на основании содержания сборника решить вопрос о том, кому он мог принадлежать, нельзя признать удачной. XV в. отличается взлетом интереса к энциклопедическим сборникам, и присутствие Скитского устава в рукописи необязательно говорит о том, что его владелец вел отшельнический образ жизни.

Досифею посвящена и статья А. Г. Боброва «К вопросу о книжном наследии Досифея Соловецкого». Статья разделена на две части: «Досифей Соловецкий как писатель» и «Досифей Соловецкий как книжник». На основе текстологического анализа редакций «Слова о сотворении жития Зосимы и Савватия», написанного Досифеем и использованного Киевским митрополитом Спиридоном при создании Жития Зосимы и Савватия Соловецких, автор приходит к выводу, что «черты первоначальности» сохранились в разных редакциях сочинения Досифея. А. Г. Бобров объясняет это тем, что более поздняя редакция была вторично переработана Досифеем, который в отдельных случаях вернул первоначальные чтения, характерные для «Слова о сотворении жития...». Этот оригинальный вывод, подкрепленный текстологическими примерами, представляется интересным и неожиданным, хотя, возможно, требует дальнейшей проверки. Автор рассматривает еще два произведения, входящие в Волоколамский сборник: о пророчестве и о чуде Зосимы. А. Г. Бобров приходит к выводу, что автором этих текстов является Досифей, аргументируя это «“неукрашенностью” стиля и “наивным реализмом”». Однако «неукрашенность» стиля не является достаточным доказательством принадлежности текстов Досифею, тем более что единственное произведение, относительно которого авторство Досифея достоверно установлено («Слово о создании жития...»), дошло до нас лишь в переработках. Во второй части статьи А. Г. Бобров представляет аннотированный перечень 50 рукописей, входивших в библиотеку Досифея и вложенных им в Соловецкий монастырь, указав как известные ныне списки, так и утраченные или неразысканные. Анализируя рукописи Досифея, автор предполагает, что часть из них происходит из Кирилло-Белозерского монастыря, однако в некоторых случаях необходима дополнительная аргументация. В частности, А. Г. Бобров отмечает наличие княжеских уставов в Кормчей 1493 г. (РНБ. Солов. 858/968), принадлежавшей Досифею. Те же княжеские уставы автор находит в сборнике Ефросина (РНБ. Кир.-Бел. 9/1086) и приходит к выводу о «влиянии кирилло-белозерской книжности», упуская из виду, что в Кормчей и Ефросиновском сборнике княжеские уставы сохранились в разных видах¹, так что уставы в Кормчей не могут восходить к уставам из Ефросиновского сборника.

Н. Э. Юферева в статье «Преподобные Зосима, Савватий и Герман Соловецкие в миниатюрах лицевых житий Зосимы и Савватия конца XVI — начала XVII вв.» анализирует изображения неканонизированных, но почитавшихся лиц, таких как Герман Соловецкий. Автор останавливается на двух традиционных способах выражения святости или благочестия персонажа: изображении нимба и молитвенных поз.

Статья И. А. Лобаковой «Рукописные источники о митрополите Филиппе и их изучение» посвящена преимущественно Житию митрополита Филиппа и его редакциям². Несомненный

¹ См.: Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

² Лобакова И. А. «Житие митрополита Филиппа»: Исследования и тексты. СПб., 2006.

интерес представляют две найденные автором исторические повести последней четверти XVII в. о противостоянии митрополита Филиппа и Ивана Грозного. При том, что повести носят компилятивный характер и не дают новых сведений о событиях XVI в., они раскрывают перед нами представления об историческом процессе во второй половине XVII в. Однако название статье дано слишком широко, и, хотя автор перечисляет различные источники, дающие информацию о жизни святителя (летописи, вкладные и отводные книги, «Устав о монастырском платье» и другие), подробно она останавливается лишь на Житии митрополита Филиппа.

Один из источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа, упомянутый И. А. Лобаковой (и в свое время введенный ею в научный оборот), подвергся специальному рассмотрению в статье В. А. Булова «Устав о монастырском платье 1553 г.» как исторический источник». На основе изучения «Устава о монастырском платье» исследователь стремился показать не только быт Соловецких иноков, но и перемены, произведенные будущим митрополитом Филиппом. Автор рисует масштабную картину строительства монастыря: келий для сотни иноков, поварни, двух мельниц, канальной системы (соединившей 72 озера с морем), ремесленных мастерских с жилыми «клетями» для мастеровых, разведение лапландских оленей. Все это было сделано, по мнению автора, за семь лет, с 1545 по 1552 г. Однако в своих выводах автор опирается на сообщения поздних и тенденциозных источников: «Сказания о Филиппове строении», «Жития митрополита Филиппа», Соловецкого патерика, ставивших целью прославление митрополита Филиппа и приписывавших ему то, что появилось уже после его игуменства. Более критически, возможно, следовало бы отнестись и к таким современным игумену Филиппу источникам, как челобитная с просьбой даровать новые земельные владения, — в подобных прошениях жалобы на бедственное положение были обязательными, хотя редко отражали истинную ситуацию.

Статья В. И. Легких «Особенности редакции “Службы на перенесение мощей свт. Николая из Мир Ликийских в Бари” в соловецкой традиции» посвящена особенностям состава бденных служб разных редакций и сопровождается их подробным описанием.

Статья Г. М. Прохорова «Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Соловецкого монастыря» является продолжением серии статей этого автора, посвященных рецепции исихастской литературы в крупнейших русских монастырях³. Г. М. Прохоров выявил и датировал 74 рукописи в Соловецком собрании РНБ XV—XVIII в., содержащие сочинения указанных авторов. Получившийся список, несомненно, имеет большую ценность, и к нему не раз будут обращаться все, кто занимается рукописным наследием Соловецкого монастыря и исихастской литературой. Сложно, однако, согласиться с методикой и выводами автора статьи. Целью его было проследить, когда возрастал или спадал интерес к сочинениям авторов-исихастов в зависимости от интенсивности переписки этих сочинений. Однако в составленный Г. М. Прохоровым список вошли не только переписанные в Соловецком монастыре рукописи, но и вложенные в него. Это разрушает построения автора статьи, поскольку вклады не могут отражать интересы насельников монастыря.

В статье С. А. Семячко «Сборник “Старчество” в Соловецком монастыре» представлен полный обзор всех соловецких рукописей, которые упоминались как «Старчество» в исследовательской литературе. Основная часть статьи посвящена изучению трех рукописей XVI—XVII в., содержащих «Старчество». Автор приходит к выводу, что сборник «Старчество» попал в Соловецкий монастырь в нескольких вариантах из Кирилло-Белозерского монастыря в третьей четверти XVI в. Сборник

³ Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 317—324; *Его же*. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Исаак Сириянин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря с XIV по XVII в. // Монастырская культура: Восток и Запад / Сост. Е. Г. Водолазкин. СПб., 1999. С. 44—58.

активно переписывался и редактировался в Соловецком монастыре, что позволяет автору говорить о возникновении собственной «старческой школы». В Приложении дано постатейное описание трех рассматривавшихся рукописей, имеющее самостоятельную ценность.

Особняком стоит работа Е. В. Крушельницкой «Переплеты соловецких рукописных книг XVI века». Исследовательница подробно описывает и приводит фотографии переплетов 11 рукописей XVI в., созданных в Соловецком монастыре и сохранивших первоначальные переплеты. Е. В. Крушельницкая проводит сравнение с другими рукописями того же времени из Соловецкого монастыря, указывая сходные элементы переплетов. Сопоставление позволяет исследовательнице выделить характерные черты соловецких переплетов и проследить их эволюцию на протяжении XVI в. Отмечая высокое качество соловецких переплетов, для изготовления которых требовались мастера и многочисленные инструменты, Е. В. Крушельницкая, тем не менее, приходит к выводу, что местные мастера изготавливали простые по технологии переплеты типа «в затылок», а более сложные переплеты типа «доски в коже с тиснением» изготавливались пришлыми мастерами. Кроме того, Е. В. Крушельницкая полагает, что идентификация штампов имеет значение как «локализирующий признак, но не признак датирующий», поскольку каждый штамп мог использоваться в течение длительного времени. Несмотря на несколько пессимистичный взгляд автора на перспективы локализации и датировки рукописей по переплетам, собранный ею материал имеет большую ценность и позволяет говорить о нескольких группах соловецких рукописей, имеющих типологически близкие переплеты.

Т. Р. Руди является автором двух продолжающих друг друга статей, вошедших в сборник. В статье «О первом авторском сборнике Ермолая-Еразма из библиотеки Соловецкого монастыря» Т. Р. Руди проводит комплексный анализ раннего автографа Ермолая-Еразма (РНБ. Солов. 287/307) в сравнении с другим более поздним авторским сборником (РНБ. Соф. 1296). Сборник РНБ. Солов. 287/307 сохранил целый ряд сочинений Ермолая-Еразма, в том числе Похвалу св. митрополиту Алексею. Т. Р. Руди подробно рассматривает богословскую концепцию Ермолая-Еразма о «свыше званых» святых и авторскую правку в сборнике. Кроме того, Т. Р. Руди удалось выявить случаи использования и переписки отдельных произведений из сборника Солов. 287/307. Подобные наблюдения имеют большую ценность, поскольку позволяют установить связь между отдельными списками и книжниками.

Использованию сборников Ермолая-Еразма в творчестве другого книжника конца XVI — начала XVII в. посвящена вторая статья Т. Р. Руди «Иона Соловецкий как читатель Ермолая-Еразма». Исследовательница сравнивает два упомянутых выше авторских сборника Ермолая-Еразма со сборником Ионы Соловецкого (РНБ. Q. XVII. 67). В сборник Ионы Соловецкого вошло несколько текстов Ермолая-Еразма, текстологическое сопоставление показывает, что одни из них относятся к первой редакции, другие — ко второй редакции Ермолая-Еразма. Это позволяет Т. Р. Руди сделать вывод о знакомстве Ионы Соловецкого с обоими сборниками-автографами Ермолая-Еразма. Знакомство Ионы с первым сборником Ермолая-Еразма, хранившимся в Соловецком монастыре, где Иона провел около десяти лет, не вызывает сомнений. Однако использование Ионой второго сборника Ермолая основывается только на присутствии в сборнике Ионы хронологических сочинений Ермолая-Еразма во второй редакции. Эти сочинения сохранились в нескольких списках, они использовались и редактировались в конце XVI — XVII в.⁴ Хотя ни один из известных ныне списков хронологических сочинений, кроме второго авторского сборника Ермолая-Еразма, не мог послужить источником для сборника Ионы, нельзя исключать возможность того, что Ионе был известен некий список, содержащий хронологические сочинения Ермолая. Иначе остается непонятным, почему Иона, державший сначала в руках сборник Соф. 1296 (по предположению Т. Р. Руди), выписал из него только

⁴ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV—XVII вв. СПб., 2002. С. 210—218.

хронологические статьи, оставив без внимания другие сочинения Ермолая-Еразма, однако, получив вскоре возможность ознакомиться со сборником Солов. 287/307, выписал из него еще несколько сочинений того же автора, в том числе те хронологические статьи, которые были им оставлены без внимания при работе с Соф. 1296. Думается, это можно объяснить скорее тем, что в распоряжении Ионы изначально была рукопись, содержащая только отдельные хронологические статьи Ермолая, и лишь потом он познакомился с первым авторским сборником Ермолая-Еразма.

Две статьи, написанные О. В. Панченко и О. С. Сапожниковой, посвящены одной рукописи Сергия Шелонина. В статье О. С. Сапожниковой «“Азбуковник” Сергия Шелонина и полемическая тетрадь в его составе. К вопросу об отношении к реформе патриарха Никона в Соловецком монастыре» рассматриваются три редакции «Азбуковника» Сергия Шелонина — одного из крупнейших лексикографических сводов, в котором Шелонин приводил не только толкования иностранных слов, но и исторические, географические и многие другие сведения, что делает «Азбуковник» Шелонина «энциклопедией русского православного сознания». В то же время «Азбуковник» служил Шелонину справочным аппаратом в его собственном творчестве. Подробно описанный автором статьи «Азбуковник» Сергия Шелонина поражает своим размахом и всесторонностью познаний его составителя. Кроме того, О. С. Сапожникова обнаружила тетрадь, вpletенную в Азбуковник, с выписками о двуперстии, форме креста и коленном преклонении. Исследовательница связывает подготовку этих выписок с получением в Соловецком монастыре исправленных печатных богослужебных книг и тревогой за чистоту старой веры. Наряду с исследованным ранее О. С. Сапожниковой полемическим сборником Шелонина⁵, тетрадь из «Азбуковника» убедительно свидетельствует о приверженности Сергия старой вере. В то же время нельзя согласиться с предположением автора, что Шелонин «спрятал» опасную тетрадь в «Азбуковнике», чтобы она не привлекала внимания. Думается, Шелонин придавал своему «Азбуковнику» совсем другое значение; для него это был самый нужный, постоянно используемый справочный аппарат, и, вставляя в эту книгу полемическую тетрадь, Сергей не «прятал» ее, а, напротив, ставил на видное место, включал в книгу, к которой будут часто обращаться. То, что тетрадь оставалась незамеченной на протяжении веков, думается, произошло не благодаря предусмотрительности Сергия, а вопреки его расчетам.

Статья О. В. Панченко «Хронограф Сергия Шелонина» посвящена дополнениям к «Азбуковнику», содержащим историческое сочинение Шелонина. Составленное на основе различных источников, прежде всего Хронографов 1512 и 1617 г. и Степенной книги, сочинение было дополнено Шелониным оригинальными известиями о Смуте. Исследователь рассматривает состав, время создания и источники исторического сочинения Шелонина, подробно останавливаясь на оригинальных известиях автора. О. В. Панченко предполагает, что часть этих известий основана на рассказах очевидцев — соловецких монахов. Исследователь называет сочинение Шелонина Хронографом, однако произведение несет черты различных типов исторических книг: оно начинается со всемирной истории (как Хронограф) и вводит деление на степени для русских государей после Ивана Грозного (как в Степенной книге). В целом сочинение Шелонина производит впечатление незавершенного опыта, эксперимента, в котором Шелонин пробовал выстроить повествование по разным принципам. Сочинение Шелонина обрывается на событиях 1654 г., позднейшие мелкие дополнения сделаны чужой рукой (хотя сам Шелонин еще был жив, он по какой-то причине не стал продолжать повествование). В то же время Шелонин неумеренно прославляет царя Михаила Федоровича, так что создается впечатление, что основная работа велась Шелониным в 40-х годах, еще при жизни царя Михаила Федоровича и, возможно, по заказу светских, а не церковных властей.

В статье Е. М. Юхименко «Старообрядческая история Соловков» изложена история осады Соловецкого монастыря. Обращаясь к истории монастыря в последней четверти XVII —

⁵ Сапожникова О. С. Новые сведения о Соловецком книжнике Сергия Шелонине // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 617—623.

XVIII в., автор показывает, что Соловецкий монастырь продолжал оставаться святыней для староверов. Хотя контакты ревнителей старого благочестия с Соловецким монастырем неизбежно должны были быть сведены к минимуму, все же староверы приезжали в монастырь, чтобы познакомиться с древними книгами и иконами или по другим надобностям. Е. М. Юхименко описывает также случаи обращения к старой вере послушников и богомольцев в монастыре, однако обращение происходило не потому, что на Соловках оставались учителя — приверженцы старой веры, а из-за «неспасаемых порядков» в монастыре.

Статья А. В. Сиренова «К вопросу о книжном собрании воеводы И. А. Мещеринова» отчасти перекликается со статьей Е. М. Юхименко — оба исследования описывают (хоть и с разных точек зрения) деятельность И. А. Мещеринова, руководившего подавлением Соловецкого восстания. После взятия монастыря соловчане жаловались на хищения Мещеринова, Мещеринов же пытался доказать, что книжное собрание формировалось им на протяжении многих лет по разным городам. Сопоставляя показания Мещеринова с одной из принадлежавших ему рукописей, А. В. Сиренов показал, что ряд сообщений Мещеринова вымышлен. Это приводит А. В. Сиренова к выводу, что книжное собрание Мещеринова отражает «состав келейных библиотек соловецких старцев», а не «устремления и вкусы» Мещеринова. Впрочем, явный вымысел Мещеринова относительно некоторых книг, например упоминание одной и той же книги дважды, заставляет отказаться от мысли искать все упомянутые Мещериновым книги среди монастырских рукописей. Остается только сожалеть, что неизвестны другие книги, побывавшие в руках Мещеринова и у нас нет возможности сравнить его показания с другими рукописями.

Статья А. Накадзава «Легендарное “Рукописание шведского короля Магнуса” в соловецком сборнике XVII в. (из комментариев к Никаноровскому сборнику)» также созвучна работам Е. М. Юхименко и А. В. Сиренова. Статья посвящена изучению полемического Никаноровского сборника, составленного на Соловках во время осады. В сборнике помещен ряд выписок, преимущественно из Степенной книги и Соловецкого летописца, о «состязании вер» (православия и католичества). А. Накадзава полагает, что выписки были сделаны Геронтием, составителем «Сказания от божественного Писания, от апостольского предания и правил святых отец и о новых книгах», и являются продолжением полемики соловчан со сторонниками нововведений. Трудно, однако, согласиться с автором статьи, что составитель сборника особое внимание уделял рассказам о посольствах. Думается, «посольская тематика» доминирует среди выписок потому, что именно во время посольств могли состояться прения о вере и выбор веры. Одним из источников Никаноровского сборника, как показал А. Накадзава, была Степенная книга, остается пожалеть, что в статье не определено, какой список был в руках составителя, учитывая, что все соловецкие списки Степенной книги известны.

В статье А. В. Пигина «О некоторых книгах из Троицкого Юрьегорского монастыря» рассматриваются сведения о книжном собрании Юрьегорского монастыря, основанного в 1620-е годы соловецким постриженником Диодором. Автор статьи описывает две найденные им книги. Запись на одной из книг (ныне утраченной) подтверждает сведения Жития Диодора о помощи в первоначальном обустройстве Юрьегорского монастыря Александра Булатникова, келаря Троице-Сергиевого монастыря. Но, возможно, наибольший интерес представляет найденная А. В. Пигиным книжка для сбора подаяний, датирующаяся 1815—1818 г. — временем, когда Юрьегорская пустынь уже была упразднена. Проанализировав текст, автор статьи предполагает, что пустынь на рубеже XVIII—XIX в. была возобновлена старообрядцами, почитавшими ее основателя Диодора.

Почитанию митрополита Филиппа посвящена статья А. Е. Косицкой «Первоначальная редакция Службы на память митрополита Филиппа Московского». Автору удалось обнаружить неизвестную ранее редакцию Службы. На основе текстологических сравнений исследовательница показывает, что обнаруженная ею редакция является первоначальной. В одной из песен читается

акростих «Иаков», который, как полагает Косицкая, указывает на имя составителя Службы. Исследовательница приходит к выводу, что Служба была составлена на Соловках игуменом Иаковом в связи с перенесением мощей митрополита Филиппа из Твери на Соловки. В целом аргументация А. Е. Косицкой представляется убедительной, однако некоторые доводы не могут иметь того решающего значения, которое придает им автор. Например, исследовательница особое значение придает теме военной опасности от «агарян», отмечая в то же время, что все отрывки об «агарянской» угрозе заимствованы из канонов митрополиту Петру. Однако попытки найти в заимствованных отрывках сообщение о «реальных военных событиях» конца XVI в. и увидеть за традиционным упоминанием «агарян» нашествие мусульман во главе с крымским ханом Казы-Гиреем кажутся малоубедительными. В использовании обращения к святому «отче» автор статьи видит личный элемент, приходя к выводу, что это обращение свидетельствует о преемственности автора Службы по отношению к Филиппу на игуменстве в Соловецком монастыре. Кажется, исследовательница сама сознает слабость этого аргумента, поскольку признает, что «духовным сыном Филиппа мог себя назвать любой соловецкий инок».

Статья В. П. Бударagina «Автографы инока Епифания Соловецкого в Древлехранилище Пушкинского Дома» носит обзорный характер и рассказывает об истории находок автографов Епифания. Отдельно автор останавливается на автографе Епифания из собрания ИРЛИ. колл. В. М. Амосова — А. Ф. Богдановой. № 169, содержащем вторую часть Жития Епифания. В. П. Бударагин вносит дополнения в собственную статью⁶, посвященную этой рукописи, и публикует по ней текст Жития.

Е. А. Рыжова обнаружила три списка XVIII—XIX в. Жития Иова, основавшего Ущельскую пустынь в 1614 г. В статье «Житие Иова Ущельского в рукописно-книжной традиции Русского Севера (Вторая редакция)» исследовательница подробно рассматривает Вторую редакцию Жития, сохранившуюся в единственном списке 1861 г., переписанном 14-летним мальчиком-крестьянином, список несет следы ученичества. Исследовательница приводит ряд тонких наблюдений над Первой и Второй редакциями памятника: дополнение Второй редакции сообщениями о чудесах второй половины XVIII — XIX в., в том числе рассказанными от первого лица; украшение стиля во Второй редакции; перевод рассказов о чудесах от первого лица (в Первой редакции) в третье лицо (во Второй редакции) и другие. Неясно, однако, почему исследовательница считает, что изменения и пропуски сложных имен, топонимов, названий месяцев и некоторых болезней являются особенностью Второй редакции. Думается, это скорее индивидуальные чтения списка, сделанного подростком, который не только не умел переводить даты, но и плохо разбирал рукописный текст. Очевидно, ученик пропускал имена и топонимы, которые не мог разобрать, а в других случаях догадывался о значении слова по нескольким буквам. Так Акилина превратилась в Акулину, Селиванов — в Семенова, Пятый — в Пантелея, апрель — в август и т. д.

В заключение можно сказать, что сборник выполнен на высоком профессиональном уровне, вошедшие в него статьи перекликаются между собой и вызывают размышления не только о Соловецком монастыре, но и об истории и книжности России XV—XIX в. Несколько выбивается из общего контекста сборника, посвященного средневековым книжным традициям, статья С. А. Фомичева «Соловецкие блики в биографии Пушкина». Однако в целом к одному из главных достоинств сборника относится то, что он воспринимается как цельный комплекс исследований, разворачивая перед читателем картину жизни Соловецкого монастыря в самых разных аспектах.

⁶ Бударагин В. П. Новый автограф Жития Епифания // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 79—82.